Ганс Христиан Андерсен

Колокол

По вечерам, на закате солнца, когда вечерние облака отливали между трубами домов золотом, в узких улицах большого города слышен был по временам какой-то удивительный звон, — казалось, звонили в большой церковный колокол. Звон прорывался сквозь говор и грохот экипажей всего на минуту, — уличный шум ведь все заглушает — и люди, услышав его, говорили:
— Ну вот, звонит вечерний колокол! Значит, солнышко садится!
За городом, где домики расположены пореже и окружены садами и небольшими полями, вечернее небо было еще красивее, а колокол звучал куда громче, явственнее.
Казалось, что это звонят на колокольне церкви, схоронившейся где-то в самой глубине тихого, душистого леса. Люди невольно устремляли туда свои взоры, и душой их овладевало тихое, торжественное настроение.
Время шло, и люди стали поговаривать:
— Разве в чаще леса есть церковь? А ведь у этого колокола такой красивый звук, что следовало бы отправиться в лес, послушать его вблизи!
И вот богатые люди потянулись туда в экипажах, бедные — пешком; но дороге, казалось, не было конца, и, достигнув опушки леса, все делали привал в тени росших тут ив и воображали себя в настоящем лесу. Сюда же понаехали из города кондитеры и разбили здесь свои палатки; один из них повесил над входом в свою небольшой колокол: он был без язычка, но зато смазан в защиту от дождя дегтем. Вернувшись домой, люди восторгались романтичностью всей обстановки, — сделать такую прогулку, дескать, не то, что просто пойти куда-нибудь за город напиться чаю! Трое уверяли, что исходили весь лес насквозь и все продолжали слышать чудный звон, но им казалось уже, что он исходит из города. Один написал даже целую поэму, в которой говорилось, что колокол звучит, как голос матери, призывающей своего милого, умного ребенка; никакая музыка не могла сравниться с этим звоном!
Обратил свое внимание на колокол и сам император и даже обещал пожаловать того, кто разузнает, откуда исходит звон, во всемирные звонари, хотя бы и оказалось, что никакого колокола не было.
Тогда масса народу стала ходить в лес ради того, чтобы добиться обещанного хлебного местечка, но лишь один принес домой более или менее путное объяснение. Никто не проникал в самую чащу леса, да и он тоже, но все-таки он утверждал, что звон производила большая сова, ударяясь головой о дуплистое дерево. Птица эта, как известно, считается эмблемой мудрости, но исходил ли звон из ее головы или из дупла дерева, этого он наверное сказать не мог. И вот его произвели во всемирные звонари, и он стал ежегодно писать о сове по небольшой статейке. О колоколе же знали не больше прежнего.
И вот как-то раз, в день конфирмации, священник сказал детям теплое слово, и они все были очень растроганы. Это был для них важный день, — из детей они сразу стали взрослыми, более разумными существами, и детским душам их надлежало сразу же преобразиться. Погода стояла чудесная, солнечная, и молодежь отправилась прогуляться за город. Из леса доносились могучие, полные звуки неведомого колокола. Девушек и юношей охватило неудержимое желание пойти разыскать его, и вот все, кроме троих, отправились по дороге к лесу. Одна из оставшихся торопилась домой примерять бальное платье: ведь только ради этого платья и бала, для которого его сшили, она и конфирмовалась в этот именно раз, — иначе ей можно было бы и не торопиться с конфирмацией! Другой, бедный юноша, должен был возвратить в назначенный час праздничную куртку и сапоги хозяйскому сыну, у которого он взял их для этого торжественного случая. Третий же просто сказал, что никуда не ходит без родителей, особенно по незнакомым местам, что он всегда был послушным сыном, останется таким же и после конфирмации, и над этим нечего

смеяться, — а другие все-таки смеялись.
Итак, молодежь отправилась в путь. Солнце сияло, птички распевали, а молодежь вторила им. Все шли, взявшись за руки; они еще не занимали никаких должностей и все были равны, все были просто конфирманты.
Но скоро двое самых младших устали и повернули назад; две девочки уселись на травке плести венки, а остальные, добравшись до самой опушки леса, где были раскинуты палатки кондитеров, сказали:
— Ну вот, и добрались до места, а колокола ведь никакого на самом деле и нет! Одно воображение!
Но в ту же минуту из глубины леса донесся такой гармоничный, торжественный звон, что четверо-пятеро из них решили углубиться в лес. А лес был густой-прегустой, трудно было и пробираться сквозь чащу деревьев и кустов. Ноги путались в высоких стеблях дикого ясминника и анемонов, дорогу преграждали цепи цветущего вьюнка и ежевики, перекинутые с одного дерева на другое. Зато в этой чаще пел соловей, бегали солнечные зайчики. Ах, здесь было чудо как хорошо! Но не девочкам было пробираться по этой дороге, они бы разорвали тут свои платья в клочки. На пути попадались и большие каменные глыбы, обросшие разноцветным мхом; из-под них, журча, пробивались свежие болтливые струйки источников. Повсюду слышалось их мелодичное клюк-клюк!
— Да не колокол ли это? — сказал один из путников, лег на землю и стал прислушиваться. — Надо это расследовать хорошенько!
И он остался; другие дошли дальше.
Вот перед ними домик, выстроенный из древесной коры и ветвей. Высокая лесная яблоня осеняла его своей зеленью и словно собиралась высыпать ему на крышу всю свою благодать плодов. Крыльцо было обвито цветущим шиповником, здесь же висел и маленький колокол. Не его ли это звон доносился до города? Все, кроме одного из путников, так и подумали; этот же юноша сказал, что колокол слишком мал, звон его слишком нежен и не может быть слышен на таком расстоянии. Кроме того, неведомый колокол имел совсем иной звук, хвативший прямо за сердце! Но юноша был королевич, и другие сказали:
— Ну, этот вечно хочет быть умнее всех!
И они предоставили ему продолжать путь одному. Он пошел; и чем дальше шел, тем сильнее проникался торжественным уединением леса. Издали слышался звон колокольчика, которому так обрадовались его товарищи, а время от времени ветер доносил до него и песни и говор компании, распивавшей чай в палатке кондитера, но глубокий, полный звон большого колокола покрывал все эти звуки. Казалось, что это играет церковный орган; музыка слышалась слева, с той стороны, которая ближе к сердцу.
Вдруг в кустах послышался шорох, и перед королевичем появился юноша в деревянных башмаках и в такой тесной и короткой куртке, что рукава едва заходили ему за локти. Оба узнали друг друга; бедный юноша был тот самый, которому надо было торопиться возвратить хозяйскому сыну праздничную куртку и сапоги. Покончив с этим и надев свою собственную плохонькую куртку и деревянные башмаки, он отправился в лес один: колокол звучал так дивно, что он не мог не пойти!
— Так пойдем вместе! — сказал королевич.
Но бедный юноша был совсем смущен, дергал свои рукава и сказал, что боится не поспеть за королевичем, Да и, кроме того, по его мнению, колокол надо идти искать направо, — все великое и прекрасное всегда ведь держится этой стороны.
— Ну, в таком случае дороги наши расходятся! — сказал королевич и кивнул бедному юноше, который направился в самую чащу леса; терновые колючки рвали его бедную одежду, царапали до

крови лицо, и руки, и ноги. Королевич тоже получил несколько добрых царапин, но его дорога все-таки освещалась солнышком, и за ним-то мы и пойдем, — он был бравый малый!
— Я хочу найти и найду колокол! — говорил он. — Хотя бы мне пришлось идти на край света!
Гадкие обезьяны сидели в ветвях деревьев и скалили зубы.
— Забросаем его чем попало! — говорили они. — Забросаем его: он ведь королевич!
Но он продолжал свой путь, не останавливаясь, и углубился в самую чащу. Сколько росло тут чудных цветов! Белые чашечки лилий с ярко-красными тычинками, небесно-голубые тюльпаны, колеблемые ветром, яблони, отягченные плодами, похожими на большие блестящие мыльные пузыри. Подумать только, как все это блестело на солнце! Попадались тут и чудесные зеленые лужайки, окруженные великолепными дубами и буками. На лужайках резвились олени и лани. Некоторые из деревьев были с трещинами, и из них росли трава и длинные, цепкие стебли вьющихся растений. Были тут и тихие озера; по ним плавали, хлопая белыми крыльями, дикие лебеди. Королевич часто останавливался и прислушивался, — ему казалось порою, что звон раздается из глубины этих тихих озер. Но скоро он замечал, что ошибся, — звон раздавался откуда-то из глубины леса.
Солнце стало садиться, небо казалось совсем огненным, в лесу воцарилась торжественная тишина. Королевич упал на колени, пропел вечерний псалом и сказал:
— Никогда мне не найти того, чего ищу! Вот и солнце заходит, скоро наступит темная ночь. Но мне, может быть, удастся еще раз взглянуть на красное солнышко, прежде чем оно зайдет, если я взберусь на те скалы, — они выше самых высоких деревьев!
И, цепляясь за стебли и корни, он стал карабкаться по мокрым камням, из-под которых выползали ужи, а безобразные жабы точно собирались залаять на него. Он все-таки достиг вершины раньше, чем солнце успело закатиться, и бросил взор на открывшийся перед ним вид. Что за красота, что за великолепие! Перед ним волновалось беспредельное чудное море, а там, где море сливалось с небом, горело, словно большой сияющий алтарь, солнце. Все сливалось, все тонуло в чудном сиянии красок. Лес и море пели, сердце королевича вторило им. Вся природа была одним обширным чудным храмом; деревья и медлительные облака — стройными колоннами, цветы и трава — богатыми коврами, небо — огромным куполом. Яркие, блестящие краски потухали вместе с солнцем, зато вверху зажигались миллионы звезд, миллионы бриллиантовых огоньков, и королевич простер руки к небу, морю и лесу... В ту же минуту справа появился бедный юноша в куртке с короткими рукавами и в деревянных башмаках. Он тоже успел добраться сюда, хотя шел своей дорогой. Юноши бросились друг к другу и обнялись в этом обширном храме природы и поэзии, а над ними все звучал невидимый священный колокол и хоры блаженных духов сливались в одном ликующем Аллилуйя!